

Выступление вышло просто невероятным!

Каждый, кто там побывал, подтвердил бы: вокалист группы «Планета» стал главным украшением этого вечера.

Правда, в момент его появления на сцене толпа не выдержала и дружно прыснула. Шутка ли — выходить к микрофону в спортивном костюме и поношенных резиновых сапогах? И пусть на улице наверняка опять зарядил унылый дождь, стоило ли напоминать об этом настолько прямолинейно? К тому же, когда парень застыл в луче прожектора перед ревущим залом, выражение его лица было точь-в-точь как у Алисы, только что провалившейся в кроличью нору: полная растерянность, неловкость и чертовски милое очарование...

Но дальнейшее шоу превзошло все ожидания.

Странный вокалист быстро взял себя в руки. С самым суровым видом, будто решившись на отчаянный шаг, он выдал нечто совершенно невообразимое. Сжимая микрофон, парень принялся носиться по сцене, прыгать и скакать без остановки, а трое его щеголеватых коллег по группе моментально превратились в живой реквизит для безумных выходов фронтмена.

— Да знаю я, что всё перепутал! — оправдывался позже Джеймс. — Верить на слово, когда речь идет о сценических костюмах — глупость несусветная, согласен. Но это не повод прощать этих говнюков, которые даже не подумали меня предупредить. С какой стати позориться должен я один? Мы ведь группа, вот я и решил потянуть всех за собой на дно.

Перспектива получить потом по шее его мало заботила. Да и к чёрту всё! Импульсивные натуры вроде него редко утруждают себя размышлениями, поддаваясь первому же порыву. Захотел — сделал.

К тому же вокалист на сцене всегда свободнее остальных. Ему не нужно держать в руках инструмент, его главное оружие — он сам. И Джеймс воспользовался этой свободой на полную катушку.

Сначала он прокрался к барабанной установке и сорвал резинку с волос Болдуина, мгновенно вернув тому сходство с Иисусом. Затем переключился на басиста: подскочив к Тео, Джеймс рывком расстегнул его кожаную куртку, обнажив жуткую неоновую-оранжевую футболку. Напоследок его шальные руки дотянулись до Ланса — вокалист безжалостно взъерошил тщательно уложенные волосы гитариста, за что удостоился ледяного взгляда, вытянутого среднего пальца и лаконичного:

— Отвали!

Джимми лишь рассмеялся и продолжил петь, прыгая по сцене с удвоенной энергией. Он безнаказанно изводил товарищей, которые из-за игры на инструментах не могли дать сдачи. Музыканты один за другим застывали с каменными лицами, пока виновник торжества

окончательно не вошел во вкус. В порыве чистейшего безумия он взобрался на огромный басовый кабинет и принялся самозабвенно сигать оттуда вниз — раз, другой, третий, четвертый!

Публика, уже разогретая мощным ритмом, окончательно завелась от выходок шального фронтмена. Зал взрывался хохотом, свистом и криками одобрения. Сбросив всякое стеснение, люди двигались в такт бешеному темпу, вскидывали руки и прыгали вместе с этим неугомонным прохвостом, выплескивая накопившуюся энергию, пот и чистый восторг юности.

Лишь хозяин клуба, еще минуту назад благодушно наблюдавший за шоу из-за кулис, мгновенно переменился в лице. Сердце у него кровью обливалось — в этот миг он, должно быть, до глубины души понял своего отца, скончавшегося от инфаркта. Разъяренный мужчина попытался прорваться к сцене, но плотная стена беснующейся толпы преградила ему путь. Оставалось лишь надрывать связки, перекрикивая рев аппаратуры:

— Мелкий паршивец, слезь с моего динамика! Не смей его трогать! Не смей!!! Он стоит целое состояние! Продашь себя в рабство — всё равно не расплатишься!

В те годы увидеть настолько живого, харизматичного фронтмена было огромной редкостью. А даже если такие и находились, в доинтернетовскую эпоху весть о них разносилась небыстро. Большинство вокалистов предпочитали стоять у микрофонной стойки аки истуканы — благообразные, исполненные чувства собственного достоинства. Лишь на кульминационных моментах они позволяли себе скупые жесты для пущей экспрессии или неспешно прохаживались по сцене, снисходительно кивая залу.

Но Джимми был вылеплен из другого теста. Он казался гостем с другой планеты — или просто гиперактивным ребенком, не способным усидеть на месте. Живая мимика, бьющая ключом пластика, невероятный напор — в нем было всё. Даже его ехидная ухмылка всякий раз, когда удавалось устроить очередную пакость товарищам по группе, не вызвала раздражения. Напротив, он напоминал соседского сорванца, который вечно забивает футбольный мяч в чужие окна: злиться на него бесполезно, остается лишь вздыхать и разводить руками.

Но главное — он пел чертовски уверенно. Дыхание не сбивалось ни на секунду; даже карабкаясь по конструкциям, Джимми ухитрялся брать каждую ноту с безупречной точностью. Когда же дело доходило до верхов, его чистый, мощный голос буквально взрывал пространство клуба, доводя толпу до экстаза. Энергетика в зале зашкаливала.

Бывают же такие люди: в обычной жизни серые и неприметные, но стоит им ступить на сцену — и они превращаются в богов. Сомнений не оставалось: дебют «Планеты» прошел триумфально. А безусловным героем вечера стал Джеймс Лемон — несносный мальчишка, который ухитрился затмить всех, выступая в старых резиновых сапогах.

Однако за кулисами триумфатору пришлось столкнуться лицом к лицу с тремя жертвами своего искрометного юмора. Ланс, Болдуин и Тео буравили его ледяными взглядами.

— Только не по лицу, ладно? Мне еще домой возвращаться, — взмолился Джимми.

Он состроил самую жалобную гримасу, на какую был способен, захопал зелеными глазами и виновато перебирал пальцами, изображая искреннее раскаяние.

Ответ не заставил себя ждать. Парни с угрожающим видом двинулись на него... и задушили в медвежьих объятиях!

— Отлично спел, Джимми!

— Ты просто гений, малый.

— Слышишь, ублюдок? Толпа от тебя без ума!

Они наперебой хлопали его по спине с такой силой, что Джимми едва не пропахал носом дощатый пол.

Конечно, без укола зависти или других смешанных чувств не обошлось, но их радость и признание были абсолютно искренними.

Джеймс растерялся, а затем глуповато заулыбался. Куда только делся сумасшедший бунтарь, скакавший по сцене — сейчас он выглядел смущенным и застенчивым. Он опустил голову, но не сумел скрыть торжествующей ухмылки, обнажившей кончики острых клыков.

В этот момент на сцену наконец пробился хозяин заведения, избавленный от натиска толпы.

— Поздравляю, чертовски хорошее шоу! — выдохнул он.

Но едва закончив с любезностями, мужчина грозно наставил на Джеймса палец и заговорил уже без всякой улыбки:

— Но запомни раз и навсегда, парень: еще раз полезешь на мой кабинет, и вылетите отсюда к чертям собачьим! Он стоит кучу денег!

Увы, это предупреждение бедолаге пришлось повторить еще раз тридцать, и всякий раз его слова пропускали мимо ушей. Впрочем, со временем ситуация изменилась: Джеймс стал стоять гораздо дороже любого, даже самого элитного звукового оборудования. С чем его можно было только поздравить.

С того дня в клубе установился вечный аншлаг. Желающим попасть внутрь приходилось часами выстраиваться в длинную очередь на улице. Меломаны оказались на удивление

покладистыми — возможно, не последнюю роль сыграл тот факт, что все участники группы были чертовски недурны собой. Зрители быстро привыкли к странной манере вокалиста метаться по сцене и изводить товарищей. Его эксцентричность никого не раздражала, напротив, публика видела в этом особое, ни на что не похожее очарование.

А ведь до этого выступления Джеймс и сам пел как вкопанный, разве что изредка притоптывал ногой в такт. Лишь теперь он всерьез задумался над тем, что называют сценическим образом.

— Я не собираюсь устраивать танцульки, это было бы глупо, — рассуждал он на репетиции, делясь мыслями с остальными. — Но торчать на одном месте столбом — невыносимая скука.

— Джимми, когда ты скачешь как умалишенный, это выглядит совсем не круто, — удивился Тео. — Скорее придурковато. Как будто у тебя шило в заднице.

— Ну, если выбирать между амплуа придурка и зануды, я выберу первое, — подумав, отозвался Джеймс. — По крайней мере, повеселю и себя, и людей.

Болдуин благоразумно промолчал. Барабанщики в таких спорах права голоса не имели — эти несчастные пожизненно заперты в клетке из тарелок и томов, лишённые всякой возможности размять ноги.

Ланс с самым серьезным видом изобразил глубокую задумчивость, после чего снисходительно кивнул:

— В этом есть доля истины. Рок-н-ролл — это умение оставаться собой.

Джеймс уже было обрадовался поддержке, но секунды через три до него дошло:

— Твою мать! Погодите-ка... Этот говнюк сейчас меня тонко оскорбил?

<http://bllate.org/book/19389/1959650>